

С. Лебедев

До барьера двадцать шагов Последние годы жизни Александра Пушкина

Камер-юнкер Его величества

Не нужно быть придворным, чтобы знать дворцовые нравы. Достаточно увидеть самого царя. Он был рослый, молодой мужчина с неестественно выпяченной грудью и выпуклыми серыми глазами; эти известные черты были настолько заметны, что годились для карикатур. Чуть закрученные усы придавали ему и властное, и таинственное выражение. Малосимпатичный портрет. Ничего общего с пращуром, Петром Великим.

Николай Павлович производил впечатление человека неглупого, упрямого, скорее жесткого, чем жестокого. Русский немец, он был воспитан педантом фон Ламсдорфом — и в большой строгости... Давно научился держаться величественно, сообразно рангу. И имел неприятный, пронизывающий взгляд — прямой, остановленный, смущавший многих; он помнил о магическом действии этого светлого (серые глаза навывкате) взора и любил играть на этом. Молодых не любил, обожал стариков, презирал умников, временами бывал импульсивен и раздражителен.

На парадах и смотрах, как, впрочем, и в кабинете, он выпячивал грудь, но в Действительных сражениях военной кампании был заведомо на втором плане, не в пример своим родным братьям, что не прибавляло ему популярности в гвардейских кругах и привело к восстанию 14 декабря 1825.

Знали все: монарх сластолюбив, и если отметит какую-либо женщину своим вниманием — будь то мещанка, встреченная на прогулке, чиновничья жена или придворная дама, — для него не существует запрета. Примечателен исторический пример фрейлины двора красавицы Варвары Нелидовой, ставшей вскоре фавориткой царя. И вот он, Пушкин, теперь высочайше пожалован придворным званием камер-юнкера, сам угодил в число присных его величества.

Теперь поэт должен был (после получения в начале 1834 звания камер-юнкера) постоянно выполнять придворные обязанности, состоя под прямым началом обер-камергера двора графа Ю. Литга, человека самого заурядного, но доброго; своими непосредственными обязанностями, как известно, камер-юнкер Пушкин очень тяготился и всегда искал удобного случая избежать их.

Пушкин был взбешен. Это звание обычно давали юношам. И когда великий князь поздравил его с этим званием, поэт дерзко ответил ему: «...Покорнейше благодарю, Ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили...».

Балы в Аничковом дворце

Запись в дневнике Пушкина 10 мая 1834:

«Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет» (*цитата из письма М. Ломоносова графу И. Шувалову от 19 января 1761*).

На придворных балах Пушкин внутренне бесился до крайности, когда в своем прекрасно подогнанном камер-юнкерском мундире входил в зал Аничкова дворца, плотней прижимая к себе обнаженную руку жены, просунутую ему под локоть. Натали как-то взглянула на царя во время вальса (в ответ на его просьбу) своими прекрасными, чуть косящими глазами, — и ей стало страшно. Ведь пока что он, венценосец, ждал и просил. А мог бы и приказать...

А Пушкин все это понимал и писал ей:

«...Однако ж видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц».

Несмотря на молодость, Натали отлично понимала, что стоило только перейти незримую черту, разделяющую ее с царем, и быть ей в этом тайном гареме. Но она была чиста и горда и слишком любила Пушкина, а потому ничего от него не скрывала. А если бы она не сказала, он все равно угадал бы все: ведь он знал, чувствовал каждое движение ее души. Видимо, это тоже было одно из тех качеств, из которых складывался пушкинский гений.

Добрая тетушка Натали, фрейлина двора Екатерина Ивановна Загряжская, не считалась с расходами и временем, только бы ее любимица была на балу наряднее, изящнее, блистательнее других великосветских дам. Она придирчиво и строго следит, как горничная Лиза мудрит над роскошными волосами Натали, сооружая высокую, модную прическу, к которой так идет легкое украшение на лбу из мелких драгоценных камней. Осторожно, как бы не смять, надевает Натали белое платье с широчайшими прозрачными рукавами, перехваченными под локтями и в запястьях. На талию, которой позавидует любая красавица, пришивается широкий пояс. Вот на маленькие ножки надеты новые бальные башмачки, а изящные руки плотно обтянуты белыми перчатками. Тетушка внимательно разглядывает Натали, поворачивая ее то вправо, то влево перед зеркалом, и наконец, довольная и усталая, садится в кресло и просит позвать нетерпеливого Пушкина.

— Моя мадонна! — потрясенно говорит одетый в мундир камер-юнкера поэт, как всегда в такие прекрасные минуты молитвенно складывая руки.

Прическа *a-la Ninon*, которую придумала себе Натали, красила ее неслыханно. Пушкин видел почтительные поклоны, видел восхищение во взглядах, обращенных к ним. Но знал, догадывался, о чем шепчутся у него за спиной, ощущал этот легкий ветерок злоязычья.

А злых языков вокруг поэта хватало. Град метких пушкинских эпиграмм всегда попадал в цель, что порождало ответный огонь недоброжелателей. Еще в бытность его в Москве один известный острослов сказал однажды, указывая исподтишка на молодую пару: «Венера и Вулкан». Шутка была недурна и многим пришлась по душе. Проклятый двор!

Временами он чувствовал себя, как в трясине, из которой не выбраться. Двор хотел, чтобы его жена плясала на дворцовых балах, император часто сажал ее рядом с собой на ужинах. У поэта темнело в глазах от одной только мысли, как может быть истолкована эта монаршая милость...

Однажды сам Пушкин с горечью расскажет своему близкому другу П. Нащокину, что «царь, как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам проезжает мимо ее окон, а ввечеру на балах спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены». Пушкин имел от природы душу самую благородную, ранимую и добрую; однако известная ветреность поэта, ставшая настоящей притчей во языцех, здорово вредила его репутации порядочного человека. Прославив ленивцем и праздным человеком, с богатым опытом жизни еще в «грешной юности», он создал свой особый стиль поведения: люди, подражавшие в то время ему, так и назывались *a la* Пушкин. Столичные повесы отпускали кудри до плеч, держали в благородном беспорядке свои прически; носили бакенбарды большие и всклокоченные, одевались крайне небрежно, ходили быстро, подчас повертывая тросточкой или хлыстом и насвистывая какую-то песенку. Эти люди даже за косо брошенный взгляд, либо какую-нибудь иную малейшую неосторожность готовы были отплатить любому едкой эпиграммой или вызовом на дуэль. Насколько сложно было для Натали испытывать на себе бесконечные приливы и отливы настроений мужа, лирического поэта, может пояснить один случай.

«Пушкин был на балу с красавицей женою и в ее присутствии вздумал за кем-то ухаживать. Это заметили, заметила и жена. Она уехала с бала домой одна. Пушкин хватился жены и тотчас же

поспешил домой. Застает ее в раздевании. Она стоит перед зеркалом и снимает с себя уборы. «Что с тобою? Отчего ты уехала?». Вместо ответа Наталья Николаевна дала мужу полновесную пощечину. Тот как стоял, так и покатился со смеху. Он забавлялся и радовался тому, что жена его ревнует...» (граф В. Соллогуб, май 1833).

Как же она, его жена, обожала эти дворцовые балы! Куда уходили деньги, деньги, пропасть денег?! Ведь надо было наряжать жену — жену камер-юнкера Пушкина; и так наряжать, чтобы платье сидело на ней ребром! Но он не смел упрекать жену и по-прежнему радовался ее улыбке. И, как ребенку, прощал ей ее резвость. И эта губительная его страсть к карточной игре: только одному Богу известно, откуда они брались, эти многотысячные пушкинские долги чести. Состояние решительно приходило в упадок...

О своих денежных трудностях Пушкин с присущим ему едким юмором сообщит в письме к Натали 14 июля 1834 из Петербурга в Калугу на Полотняный Завод:

«Дай, сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости... Хорошо, коли проживу я лет 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как мужа и что их маменька ужас как мила была на аничковских балах».

Натали в калужском имении

Калужское имение Натали — Полотняный Завод — строился еще в петровские времена на земле церкви Спаса-на-Взгомонях, основанный первоначально по именному царскому указу 1718 богатому калужскому купцу: «Тимофею Филатову сыну Карамышеву для делания полотен построить заводы на том месте, где приищет». Но указы недолго шли на имя купца Карамышева. В 1720 году вследствие прошения его велено ему было «принять в компанию двух свободных людей, кого похочет»; и принял он «калужанина посацкого человека Афанасия Абрамова сына Гончарова да племянника его Григория Иванова сына Щепочкина в компанейщики» со взносом со стороны Гончарова 15 тысяч рублей, а Щепочкина — 5 тысяч рублей. Постепенно, шаг за шагом, при покровительстве царя движется Афанасий — пращур Натали — к своей коммерческой самостоятельности, вскоре становится единоличным владельцем предприятия и открывает все новые и новые фабрики.

15 апреля 1834 Н. Пушкина с двумя детьми выехала из Петербурга в Полотняный Завод, где она пробудет до конца сентября. Здесь она вновь окунется в мир своего детства и почувствует себя хоть на мгновение той маленькой девочкой Ташей, которую так любил баловать озорник дед. Здесь она снова будет в кругу родных, по которым она так тосковала в Петербурге.

Из письма Пушкина к Натали 11 июня 1834 из Петербурга в Калугу на Полотняный Завод:

«...Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы... Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты.

А живя в нужнике, поневоле привыкаешь к <?>, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух кабы мне удрать на чистый воздух».

Но Натали полностью поглощена семейными делами. Первое — как можно быстрее женить дорогого братца Дмитрия. Блестящий чиновник Коллегии иностранных дел, сослуживец Пушкина, он только в 1835 наконец выйдет в чине коллежского асессора в отставку, чтобы вплотную заняться имением и жениться на милой его сердцу княжне Елизавете Назаровой.

Именно княжна Елизавета Егоровна Назарова, уже выйдя замуж за Дмитрия Николаевича Гончарова, уверенно управляла домашним хозяйством Гончаровых, которое требовало немало сил. Именно у нее и у брата найдет приют на несколько лет Натали после скандальной дуэльной истории. Не без участия Елизаветы дела в Полотняном

Заводе к 1853, судя по всему, пойдут в гору: доход будет приносить не только бумажная фабрика, но и конный завод.

Но вернемся к семейным заботам Натали. Поэт отнесся к горячему желанию Натали забрать сестер в Петербург из деревенского заточения и ввести в свет вначале довольно прохладно, но в конце концов сдался под уговорами молодой жены, пожалев своячениц. Размышляя об основах семьи, смирившийся с обстоятельствами Пушкин пророчески заметит 14 июля 1834 в одном из писем к Натали:

«Все вы, дамы, на один покрой... Но обеих ли ты сестер к себе берешь? Эй, женка! Смотри... Мое мнение: семья должна быть одна под одной кровлей: муж, жена, дети покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься, и семейного спокойствия не будет. Впрочем, об этом еще поговорим... Всякий ли ты день молишься, стоя в углу?»

Пушкин появится на Заводах лишь для того, чтобы успеть отпраздновать именины жены и основательно поработать в знаменитой библиотеке Гончаровых. Но уже 9 сентября 1834 он налегке, проведя две недели в Заводах, отъедет через Москву по делам именина в Болдино, а Натали через две недели с детьми и сестрами вернется в Петербург. Поэт никогда не узнает, что примерно в это же время русский монарх совершал инспекционную поездку по некоторым губерниям России: только 16 сентября он выехал из Москвы через Калугу в Орел. С какой целью и почему венценосный путешественник избрал именно этот маршрут? Слишком много совпадений в географии...

В это время Пушкин улаживал свои болдинские дела и мечтал только об одном: махнуть с семьей в деревню, в Михайловское, к трем своим соснам.

Семейное счастье рушится

Натали и Дантес познакомились не позднее осени 1834. Это роковое знакомство перешло быстро во взаимное увлечение. Начались настойчивые ухаживания Дантеса. Они привлекли пристальное внимание высшего общества столицы, что дало пищу великосветским слухам.

Поклонниками Натали и прежде не была обделена. К числу их, несомненно, принадлежал и сам император Николай Павлович. Судя по всему, Натали доставляло удовольствие кокетничать с венценосцем, весьма известным ловеласом. Рассказов о любовных приключениях Николая Павловича сохранилось очень много, но никто ни в России, ни за границей не назвал его нарушителем семейного счастья поэта. Светское злословие было всецело занято ее отношениями с Дантесом, а вовсе не прежним кокетничаньем с Николаем I.

Из записи в дневнике графини Д. Фикельмон, внучки Кутузова:

«Наталя Гончарова любила мужа и казалась счастливой в своей семейной жизни. Она веселилась от души и без всякого кокетства, пока один француз по фамилии Дантес, кавалергардский офицер, усыновленный голландским посланником Геккерном, не начал за ней ухаживать. Он был влюблен в течение года... Но он постоянно встречал ее в свете и вскоре в тесном дружеском кругу стал более открыто проявлять свою любовь. ...наконец, все увидели, как росла и усиливалась эта губительная гроза! То ли тщеславие г-жи Пушкиной было польщено и возбуждено, то ли Дантес действительно тронул и смутил ее сердце, — как бы то ни было, она не могла больше отвергать или останавливать проявления этой необузданной любви. Казалось при этом, что она бледнеет и трепещет под его взглядами... Семейное счастье уже начало нарушаться...».

Дантес в одном из писем приемному отцу признается, что он «безумно влюблен: вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты будешь знать ее имя... Мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив».

20 января 1836.

Еще интереснее второе письмо Дантеса. Дантес рассказывает о своем объяснении с Натали, которую он уговаривал «нарушить ради него свой долг». Натали ответила:

«...Я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит, и я не могу быть счастливой иначе чем уважая свой долг, пожалейте меня...».

14 февраля 1836 г.

Достойный ответ увлекшейся Натали, во многом схожий с отповедью Евгению Онегину замужней Татьяны:

Я вас люблю (к чему лукавить?)

Но я другому отдана...

Неизвестно, выдержала ли Натали эту роль до конца, но в начале 1836, несомненно, хотела выдержать.

Неладно было в семье Пушкиных в 1836 году, особенно летом и осенью. Это замечали многие: Натали была увлечена Дантесом, Пушкин — свояченицей Александриной.

...23 мая Натали родила дочь Наталью. Кавалергарды летом стояли в лагере в Новой Деревне и вернулись в казармы 11 сентября. От дачи до лагеря очень недалеко — стоит только переправиться через приток Невы — Большую Невку. По словам князя А. Трубецкого, полкового сослуживца Дантеса, Лиза, горничная Пушкиных, часто приносила Дантесу записки Натали, в которых та обращалась к кавалергарду на «ты», а сам он якобы ездил на дачу к Пушкиным, все подробности своего романа с женой поэта разбалтывая товарищам-офицерам: рыцарем Дантес не был.

Неосторожные встречи втроем (когда влюбленная в Дантеса сестра Натали Катрин участвовала возможности таких свиданий) происходили в аллеях Летнего сада в сентябре, после возвращения кавалергардов из лагеря.

Послание императора

В этот день, 4 февраля 1837, император Николай Павлович с утра был в прекрасном расположении духа. Ему все удавалось. И день был на редкость солнечный. Он сел за отделанный малахитом столик и придвинул ближе к себе письменный прибор. Следовало набросать несколько строк о последних событиях в столице сестре Марии, которой уже давно ничего не сообщал.

«Здесь нет ничего такого любопытного, о чем бы я мог тебе сообщить. Событием дня является трагическая смерть пресловутого, печальной известности Пушкина, убитого на дуэли неким, чья вина была в том, что он, в числе многих других, находил жену Пушкина прекрасной, притом что она не была решительно ни в чем виновата.

Пушкин был другого мнения и оскорбил своего противника столь недостойным образом, что никакой иной исход дела был невозможен. По крайней мере он умер христианином. Эта история наделала много шума, а так как люди всегда люди, истина, с которой ты не будешь спорить, размышление весьма глубокое, то болтали много; а я слушал — занятие, идущее впрок тому, кто умеет слушать. Вот единственное примечательное происшествие» (*перевод с французского*).

Царь хочет казаться искренним в этом заочном разговоре с сестрой, но и здесь местами лукавит — и, говоря о многих других, не может скрыть своего собственного увлечения красавицей Натали и примеряет на себя гвардейский мундир кавалергарда Дантеса, которого надо как-то простить — ведь люди всегда люди. Но ведь именно его выстрел оборвал жизнь первого поэта России.

Николай I не давал себе труда быть интриганом или коварным злодеем в дуэльной истории. Царь не вел тайных разговоров с Дантесом, как и граф Бенкендорф не посылал жандармов в другую сторону, чтобы погубить Пушкина. Скорее всего, совершилось злодеяние самое банальное, примитивное и до боли привычное: было проявлено традиционное для российского самодержавия неуважение к таланту. Жизнь гения равнодушно пренебрегли.

В письме царь не удосужился упомянуть о своем тайном приказе жандармам о скорейшем увозе тела поэта из Петербурга, об опечатании его бумаг, принятии строгих мер против возможной студенческой манифестации. По его настоянию был отправлен в ссыл-

ку на Кавказ юный М. Лермонтов, а журналы, посмеявшие опубликовать пушкинские некрологи, получили выговоры.

Позднее в этой связи А. Герцен писал:

«Ужасный скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелился поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром... Лермонтов убит на дуэли тридцати лет, на Кавказе».

Дуэль

Пушкин не был новичком в поединках и слыл опасным дуэлянтом. Со слов современников, все знали об умении поэта мастерски владеть оружием. Пушкин превосходно фехтовал и из пистолета стрелял отлично. Он не стеснялся поединков: только в 1836 году он трижды вступал в столкновения.

Пушкин долгое время относился к красавцу кавалергарду весьма доброжелательно, особенно по душе ему были дантесовские каламбуры, меткие, забавные и остроумные. Букеты со вкусом подобранных цветов, театральные билеты, даже нежные записочки, набросанные по-французски и посылавшиеся Дантесом Натали, не могли вызвать недовольства поэта (вплоть до истории со скандальной рассылкой пасквилей): ведь все эти ухаживания за его женой были частью светских отношений...

Как обухом по голове ударило его известие о том, что молодой Дантес, его свояк, женатый на сестре его жены Екатерине Гончаровой, продолжает преследовать Натали. Условия роковой дуэли с Дантесом были самые суровые: «чем кровавее, тем лучше» — были пушкинские слова секунданту.

Драться имели намерение 27 января 1837 за Черной речкой возле Комендантской дачи. Оружием через секундантов — Данзаса и д'Аршиака — были выбраны пистолеты.

В день дуэли Пушкин, по древнему дворянскому обычаю, переоделся во все опрятное и чистое, с головы до ног. Вышел из дому, по обыкновению, в бекеше, однако на улице было морозно, вернулся и надел шубу. В четыре часа дня в кондитерской Вульфа на Невском его, как было сговорено, встретил секундант Данзас. Ящик с пистолетами лежал на санях.

Когда они выехали на Дворцовую набережную, сама Натали попала им навстречу; но она была близорука и не разглядела их...

Противники съехались одновременно. Секунданты отошли выбрать место для поединка. Лежал глубокий, по колено, январский снег. Секунданты вытоптали с обеих сторон площадки, протоптали дорожки к барьерам. Дантес выстрелил первый и ранил Пушкина в живот. Собрав все силы, сделал свой выстрел и Пушкин. Когда Дантес упал, контуженный, Пушкин подумал, что он убит, и сказал: «Я думал, что его смерть доставит мне удовольствие, теперь как будто это причиняет мне страдание». Затем, узнав, что Дантес только ранен, Пушкин добавил: «Как только мы поправимся, снова начнем».

Последний долг христианина

По дороге домой раненый Пушкин беспокоился только о том, чтобы не испугать жену... «Она не виновата, мой ангел!» — были его слова.

Выбежавшая в переднюю Натали сделала несколько шагов — и упала без чувств. Приехавший вскоре лейб-медик Арендт, осмотрев раненого, признал смертельную опасность. Об этом он сообщил Пушкину, который велел послать за духовником.

Предсмертные жестокие страдания Пушкина продолжались 43 часа.

Прощаясь с женою, Пушкин с лаской взглянул на нее и сказал: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но за человека порядочного». Утром 29 января, незадолго до смерти, он позвал Натали и попросил покормить его с детства любимой морошкой. Она опустила перед ним на колени и поднесла ложечку к его губам.

Смерть наступила 29 января 1837 около трех часов дня.

Послесловие

Натали долго будет носить траур и только 16 июля 1844 обвенчается с генералом Петром Петровичем Ланским, шефом лейб-гвардии конного полка.

...В Санкт-Петербурге, на старом Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, стоит надгробие, окруженное металлической оградой. На надгробии надпись:

«Наталья Николаевна Ланская
Род. 27 августа 1812 г. Сконч. 26 ноября 1863 г.»

Хочется верить, что когда-нибудь, в силу человеческой справедливости, к фамилии Ланская добавят: «Пушкина».